

УДК 740+993+433

DOI: 10.34670/AR.2023.41.66.006

Понятие и трактовка термина «Тетраграмматон» в текстах Авраама Абулафии, исходя из концепции «Грядущего мира»

Володарский Михаил Сергеевич

Аспирант,
Московский городской педагогический университет,
123022, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: mihailvolodarsky@yandex.ru

Кожевников Сергей Борисович

Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социальных наук,
Московский городской педагогический университет,
123022, Российская Федерация, Москва,
2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru

Аннотация

В статье рассматривается подход каббалиста к вопросу жизни «мира грядущего» посредством аллегорической и герменевтической систем буквенного сокращения и нумерологии. Сравнительный анализ позволил выявить точки соприкосновения с адептами классической каббалы, в работе которых раскрываются предпосылки формирования и принципы взаимодействия мыслителя с понятием «тетраграмматон». В данной работе также будут рассмотрены труды перипатетиков и, в противовес им, мистиков школы Авраама Абулафии, которые радикально видоизменяли и трактовали Священное Писание, воспринимая тексты лишь как часть субъективного теософского впечатления, согласно которому высший мистический смысл должен быть обнаружен или спроецирован в свободных ассоциациях, что, естественно, отсылает нас к мидрашистскому подходу, благодаря которому мистикам необходимо было анализировать Тору, скорее, как динамически развивающуюся со временем книгу, уровень понимания которой зависел от духовного и интеллектуального уровней практикующего. В заключение хотелось бы отметить, что, если антиномизм определяется как оппозиция содержанию из определенного рода группы, Абулафию вполне можно было бы исключить из круга антиномистов. У него нет альтернативного видения практического образа жизни, который можно было бы предложить своим ученикам. Однако некоторые исследователи ошибочно считают Абулафию первопроходцем, не учитывая тот факт, что мыслитель во многом перенял некоторые суждения из трудов Моше ибн Маймонид.

Для цитирования в научных исследованиях

Володарский М.С., Кожевников С.Б. Понятие и трактовка термина «тетраграмматон» в текстах Авраама Абулафии, исходя из концепции «Грядущего мира» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 72-78. DOI: 10.34670/AR.2023.41.66.006

Ключевые слова

Тетраграмматон, каббала, мистицизм, философия, Авраам Абулафия.

Введение

«Произносящий Имя со всеми должными буквами не имеет доли в мире грядущем» [Епископ Саратовский и Царицынский Алексей, 1986, 13]. Приведенная выше цитата является краеугольным камнем в нынешнем исследовании, ведь автор «Жизнь мира грядущего» Авраам Абулафия имел на данный счет совершенно иной взгляд.

Мыслитель отошел от классического понимания вопроса и исследовал его методом интерференции различных религиозных течений. И несмотря на то, что в это время труды Моше бен Маймонида сжигались, работы каббалиста не резонировали с испанскими и еврейскими общинами, и мирно сосуществовали с авторитетными религиозными памятниками того времени.

Как известно, в классическом понимании тетраграмматон или шемхамфоращ, многие исследователи воспринимали как запрещенное произносимое буквенное обозначение, наименование Бога. И в то время, как классики каббалы передавали эти имена по наследству, Абулафия свободно обучал данному мастерству других людей, в том числе и адептов женского пола открыто, что, признаться, по меркам средневековой культуры было нонсенсом. Мыслитель позволял ученикам узнать их при помощи особой практики перестановок священных букв, одну из примеров которой вы можете увидеть ниже:

1 2 3 4 5 6

YHV YVN YVN HVY HVY HYV HYV HYV VYA VHY VHY YHV
 HVY HYV HVY VYN VYA VHY VHY VHY YHV YVN YVN HVY
 VYA VHY VHY YHV YHV YVN YVN YVN HVY HYV HYV VYA

Важно заметить, что подобный метод в практике Абулафии, отдаленно напоминающий мантру, работал с различными буквами тетраграмматона по-разному, взаимодействуя при этом с системой гематрии. Помимо соотношений буквенного с числовым аспектом, мыслитель использовал и другие вариации: цвет, по признакам визуального сходства букв с органами, уравнений, геометрических включений и личных ассоциаций. Нередко каббалист соотносил судьбу и сущность числа, при этом обращая внимание на прообраз объекта в ином мире, исходя из чего и числовые значения у одного предмета были отличны: «Смысл Тетраграмматона, произносимого полностью, состоит в том, что его Имя-«Хайей ха-олам ха-ба», и тайна числа букв Йеру Шала им-это истолкование 42 букв Имени, тогда как разъяснения 42 буквенного Имени-это разъяснение 12 букв Имени, являющиеся трактованием 4 букв Его Имени, которое есть корень и сущность всех других нареканий, истолковывающих и демонстрирующих тайну единства Бога, да будет благословенно Его Имя. Четырехбуквенное название –это уникальное

и единственное Имя, а все остальное это Его ветви, истолковывающие Его смысл. И каждое из этих Имен свято и священно. Сказано, что Имя, состоящее из 42 букв, свято и священно.

Таким образом, оно открывается только тому, кто смирен и достиг середины своей жизни, не склонному к гневу, пьянству и неумолимому в возмездии, человеку, спокойно говорящему с другими людьми. Тот, кто знает это Имя, действует осторожно относительно Него и сохраняет Его в чистоте, любим сверху, любим внизу. Люди благоговейт перед ним, его учение окончательно, и он наследник двух миров: этого мира и мира грядущего» [Шодем, 2017, 218].

Как известно, подобное взаимодействие с гематрией не ново, и встречается в исламской традиции в текстах Саадия Гаона, Шломо Ибн Габирола и тетраксисе Пифагора, идеи которых достаточно ярко прослеживаются в указанном тексте. Тем не менее важно понимать, что Авраам Абулафия при помощи наложений различных религиозных и философских течений формирует уникальную систему работы с тетраграмматомом и еврейским алфавитом в целом. Абулафия часто проводит различие, наряду с Иосифом бен-Авраам Гикатиллой, между ивритом и другими языками, считая, что первый не избранный Богом язык, а скорее, обладающий всеми необходимыми функциями для того, чтобы его можно было считать таковым. Важно заметить, что мыслитель позволял своим ученикам писать латинскую транскрипцию и работать с формой на других языках.

Исходя из чего, необходимо понимать, что лингвистическая форма, по мнению мыслителя, воспринимается им как вселенная сама по себе и логос в этом плане превосходит природное созерцание, ведь язык, считает каббалист, несет не только практическую, но и подсознательную духовную форму более высокого порядка. Работая с тетраграмматомом, по мнению философа, необходимо взаимодействовать с языком и буквами, отходя от его природной лингвистической формы, понимая ее, скорее, как компонент медитативного процесса. Божественный же акт определяет состав и форму языка, формируя ярчайший контраст между условностью и природой, а иврит, в свою очередь, необходимо воспринимать как форму избранного Богом порядка, остальные же языковые модели существуют с ним по соглашению метода заимствования: «И скрижали были делом Божиим, и письма были письмами Бога, выгравированными на скрижалях» (Исход 32:16). Абулафия напрямую демонстрирует, что помимо философского подхода всегда необходим высший метод перестановок букв, рассматриваемый им как мудрость внутренней и высшей человеческой форм. Такому подходу не стоит удивляться, средневековое мышление и логика нередко отличается от понимания современного, и как мыслители исследовали выводы, применяя аристотелевскую логику, так и средневековый каббалист трактовал торические тексты с помощью собственной особой логики в большей степени аллегорической, применяя при этом традиционный для того времени герменевтический интеллектуальный арсенал: перестановку букв, сокращения и нумерологию.

Основная часть

Как известно, перипатетики спроецировали аристотелевскую метафизику на библейские тексты, Абулафия же, в свою очередь, предполагал, что божественные имена необходимо рассматривать удаленно от того, что они порождают. А посредничество самого божественного имени, в свою очередь, должно лежать в основе его представлений о пророчестве, которое является не чем иным, как полностью осознанным знанием тетраграмматона. Однако, важно понимать, что для Абулафии в божественных именах присутствует аспект меньшей материальной природы, стремление к которому приводит адепта в рамки идолопоклонства. Мыслитель отмечает немаловажный фактор визуального измерения и проблемы смешения

имени Бога и самого Бога в целом. То есть, зная имя Бога, человек признает его личность, указывает на нее, и подобная эпистемологическая перспектива однозначно расходится с точкой зрения Моше бен Маймонида. Небезынтересным в этом случае является размышление, в котором Бог может быть осмыслен, как воплощенный телесный во имя же его самого, что однозначно позволяет нам провести параллель между христианскими доктринами и размышлениями о них каббалистом. Абулафия показывает разнородность и вариативность трактовки одного и того же текста, демонстрируя читателю зависимость от их сознания и номенклатуры, и при этом мыслитель определенно настаивает на собственной терминологии, приписывая психологическим процессам реальный интерес, находя в нем, в какой-то степени, пророческий опыт: «Точно так же, как неограниченное число мелодий может быть создано из конечного музыкального масштаба, бесконечные ряды слов могут быть созданы из конечного алфавита» [Идель, 2010].

Однако, стоит отметить, что мыслитель, скорее всего, пытается превзойти язык, деконструируя его, как коммуникативный инструмент общества, благодаря которому адепт при помощи выверенной комбинаторики сможет вывести себя за пределы состояния собственного сознания. При этом Абулафия редко упоминает тот факт, что по каббалистическим законам, вызывая божественный приток, создавая голема, убивая людей, работая со священным языком в такой изощренной форме, формируется впечатление, как от действия, скорее, мистического, а иногда и магического. И несмотря на это, мистик умело работает с торическими текстами, показывая свою религиозную направленность в сторону иудаизма, а нередко и христианства.

И этот феномен восстановления, доработки и радикальной трактовки священных текстов следует воспринимать как часть ощущения мистика от того, что божественный дух снова присутствует в этом мире и требует его помощи. Подобные усилия, связанные с толкованием писания, были предприняты в иудаизме, когда предположение о том, что прямые отношения между божественным и человеческим уже стали частью прошлого, и когда стабильность текста была достигнута ощущением, что подобное откровение не добавит нового в канонический корпус, многими мыслителями были предприняты попытки расшифровать значение приведенных текстов, и Авраам Абулафия был в их числе. Возможно, идея такой миссии была связана с приближением к святости каждого из переводчиков, как когда-то была названа Септуагинта, название которой можно перевести как «толкование семидесяти старцев». Так и в письме Аристия к Филократу указывается 72 переводчика. То есть переводчик и интерпретатор священных текстов становится посредником между человеком и Богом при условии, что он не будет противоречить канону. Его следует понимать, как установленный порядок, играющий ключевую роль в межчеловеческих отношениях. Таким образом, функция толкователя заключалась в извлечении различных значений до того момента, пока мистическое понимание не придет мыслителю в голову, Священное Писание предстанет перед ним с другого ракурса, и канон будет понят иначе. Важно отметить, что такие истолкователи, опираясь на текст торы, ежегодно предсказывали будущее на год. Абулафия же в этом смысле является традиционалистом. Мистик относится ко времени, как к интервалам, в которых возможны различные изменения, но они, по сути, не видоизменяют идеал преодоления воображения в пользу интеллекта и его метода аллегорического значения торы. То есть, Священное Писание будет функционировать на простом уровне, для мистиков же оно будет работать на духовном. Ведь каждый эон обладает своим собственным качеством, в котором Тора изменит его нынешнюю духовную конфигурацию, и из классической «Тора де-Берия» вырастет «Тора де-Азилут», тогда писание начнет функционировать и определяться иначе. В случае же

исследуемого мыслителя это невозможно, так как Тора на определенном уровне идентична миру форм или самому Богу, что затрудняет предположение о фундаментальном изменении ее исконной природы. Очевидно, что Абулафия рассматривал свою собственную систему как кульминацию еврейского религиозного осознания, ведь стремление к жизни в непосредственном контакте с божественным является, по его словам, квинтэссенцией иудаизма.

Теософскому подходу к торе и языку, как к мифическим органическим телам, подлежащим углубленному изучению, в доктрине Абулафии соответствует точка зрения, согласно которой высший мистический смысл должен быть обнаружен или спроецирован в свободных ассоциативных сочетаниях букв, звенья которых должны быть развязаны, чтобы появилась новая, ранее неисследованная комбинация. Деконструкция, по мнению мыслителя, должна предшествовать реконструкции, поскольку Тора – это больше процесс, чем статичная догма. Действительно, мидрашистский подход во многом позволяет анализировать тору, скорее, как динамически развивающуюся книгу, которая раскрывает новые уровни познания, исходя из интеллектуального уровня переводчика или адепта. Однако, необходимо заметить, что у каждого основателя каббалистического движения был свой ориентир, как, например, древо сефирот или персонифицированная шехина.

Основная же структура всего текста сохраняется, несмотря на субъективный символизм, который привносит теософский каббалист в свой перевод или исследование, что в различных работах, нередко герменевтических, у Абулафии работает не всегда. Но зачастую текст мыслителя может восприниматься как предлог для получения нового мистического опыта, а не глубокого понимания труда, так как он разделял познание писания на несколько путей: экстатический, интеллектуальный, духовный и божественный.

И в тот момент, когда кто-то решает войти в мир грядущий, вне зависимости от его расы, пола, языка, на котором разговаривает адепт, самым главным остается соблюдение заповедей и особой диеты, которая была разработана мыслителем специально для своих учеников. И как указания к определенному духовному гнозису, так и формы человеческих действий и заповедей, которые должны выполняться в повседневной жизни, несомненно, актуальны до того момента, пока мистик концентрируется на медитации, чтобы выполнить свой ритуал, состоящий из произнесения божественных имен. И подобные заповеди, по мнению писателя, действительно могут быть незаменимы даже после того, как мистик вернется из мира грядущего в мир нынешний.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что, если антиномизм определяется как оппозиция содержанию из определенного рода группы, Абулафию вполне можно было бы исключить из круга антиномистов. У него нет альтернативного видения практического образа жизни, который можно было бы предложить своим ученикам. Однако, из-за его номианских предрасположенностей некоторые исследователи ошибочно считают Абулафию первопроходцем, не учитывая тот факт, что мыслитель во многом перенял некоторые суждения из трудов Моше ибн Маймонид, но несмотря на это, методические принципы взаимодействия с тетраграмматомом и их отчетливые разъяснения появляются у мыслителя задолго до появления работ многих классиков средневековой каббалы. «Протяни свою сотворенную руку, | чтобы достичь пророчества, | но со сломанной душой, | ты будешь жить, как нищий. Смотри Наверх, | вооружись чистым сердцем, | и когда ты поешь, пей вино, | соки которого суть познания. Радуйтесь старости, | величию Божьему, | и обличьям Луны; | с этим заветом ты будешь изгоем.

Управляй основами, | предрекай будущее; | говори загадками, | как мудрец, и как глухонемой. Плод сердца сотворен по подобию и образу, | УН внутри тебя; | Его печать-это буквы Yod и He, | и Он посадил растение и поглаживает его корни. А сильное тело-прокаженное, | имя похотило, | зараженное семенем, | которое затвердело и застыло. Он хочет убить | Хавайю небесную; | он замыслил зло в бездне | и убил, и завладел ею. Спроси у камня о его правах, | в соответствии с которыми | он хочет убить его; | и он приобретал и учился. Чистая речь будет отточена в ваших пророчесствующих устах и только она победит, | она уничтожает | и будет тихо и спокойно. Вы возродите множество народов | с именем Бога, выпрыгивая подобно льву в каждом городе. Слава и великолепие | Храма вы найдете в Торе | мощь Гевуры будет объяснена в Хокме. Убейте тело, которое катится | в пыли и слабеет, | в колеснице триединого 72 | в Тетраграмматоне, произнесенным полностью» [Володарский, 2020, 29].

Библиография

1. Володарский М.С. «Хайей ха-олам ха-ба» Авраама Абулафии, перевод и комментарий. М., 2020. 199 с.
2. Епископ саратовский и царицынский Алексей. Мораль Талмуда. СПб., 1913. 15 с.
3. Идель М. Лекция «Музыка и каббала». 2010. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gNGVT5S9Xeo>
4. Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. М.: Мосты культуры, 2004. 511 с.
5. Boustan R. Rabbinization and the Making of Early Jewish Mysticism //The Jewish Quarterly Review. – 2011. – Т. 101. – №. 4. – С. 482-501.
6. Laenen J. H. Jewish Mysticism: An Introduction. – Westminster John Knox Press, 2001.
7. Wolfson E. R. Jewish mysticism: a philosophical overview //History of Jewish Philosophy. – 1997. – Т. 2. – С. 450-498.
8. Gross B. Between rationalism and mysticism: Maharal's place in Jewish thought //Rabbinic Theology and Jewish Intellectual History. – Routledge, 2012. – С. 33-43.
9. Cohn-Sherbok D., Cohn-Sherbok L. Jewish and Christian Mysticism //Theological Studies. – 1995. – Т. 56. – №. 4. – С. 811.
10. Biale D. Gershom Scholem: Kabbalah and counter-history. – Harvard University Press, 1982.

The concept and interpretation of the term “Tetragrammaton” in the texts of Abrahaam Abulafia, based on the concept of “The coming world”

Mikhail S. Volodarskii

Postgraduate,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2nd Selskokhozyaystvennyi driveway,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: mihailvolodarsky@yandex.ru

Sergei B. Kozhevnikov

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences,
Moscow City Pedagogical University,
129226, 4, 2nd Selskokhozyaystvennyi driveway,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: KozhevnikovSB@mgpu.ru

Abstract

The article discusses the approach of a Kabbalist to the question of the life of the "world to come" through the allegorical and hermeneutic systems of letter abbreviation and numerology. A comparative analysis made it possible to identify points of contact with the adherents of classical Kabbalah, in whose work the prerequisites for the formation and principles of the thinker's interaction with the concept of "tetragrammaton" are revealed. This work will also consider the works of the Peripatetics and, in contrast to them, the mystics of the school of Abraham Abulafia, who radically modified and interpreted the Holy Scriptures, perceiving the texts only as part of a subjective theosophical impression, according to which the highest mystical meaning should be discovered or projected in free associations, which, of course, refers us to the midrashic approach, due to which the mystics had to analyze the Torah, rather, as a book dynamically developing over time, the level of understanding of which depended on the spiritual and intellectual levels of the practitioner. In conclusion, the author of the paper notes that if antinomianism is defined as opposition to content from a certain kind of group, Abulafia could well be excluded from the circle of antinomians. He has no alternative vision of a practical way of life to offer his students. However, some researchers mistakenly consider Abulafia a pioneer, not considering the fact that the thinker largely adopted some judgments from the works of Moses ibn Maimonides.

For citation

Volodarskii M.S., Kozhevnikov S.B. (2023) Ponyatie i traktovka termina «tetragrammaton» v tekstakh Avraama Abulafii, iskhodya iz kontseptsii «Gryadushchego mira» [The concept and interpretation of the term "Tetragrammaton" in the texts of Abrahaam Abulafia, based on the concept of "The coming world"]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 72-78. DOI: 10.34670/AR.2023.41.66.006

Keywords

Tetragrammaton, Kabbalah, mysticism, philosophy, Abraham Abulafia.

References

1. Bishop of Saratov and Tsaritsyn Alexy (1913) *Moral' Talmuda* [Moral of the Talmud]. St. Petersburg.
2. Idel' M. (2010) *Lektsiya «Muzyka i kabbala»* [Lecture "Music and Kabbalah"]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=gNGVT5S9Xeo> [Accessed 12/12/2022]
3. Sholem G. (2004) *Osnovnye techeniya v evreiskoi mistike* [Main currents in Jewish mysticism]. Moscow: Mosty kul'tury Publ.
4. Volodarskii M.S. (2020) *«Khaiei kha-olam kha-ba» Avraama Abulafii, perevod i kommentarii* ["Hayey ha-olam ha-ba" by Abraham Abulafia, translation and commentary]. Moscow.
5. Boustan, R. A. (2011). Rabbinitization and the Making of Early Jewish Mysticism. *The Jewish Quarterly Review*, 101(4), 482-501.
6. Laenen, J. H. (2001). *Jewish Mysticism: An Introduction*. Westminster John Knox Press.
7. Wolfson, E. R. (1997). Jewish mysticism: a philosophical overview. *History of Jewish Philosophy*, 2, 450-498.
8. Gross, B. (2012). Between rationalism and mysticism: Maharal's place in Jewish thought. In *Rabbinic Theology and Jewish Intellectual History* (pp. 33-43). Routledge.
9. Cohn-Sherbok, D., & Cohn-Sherbok, L. (1995). Jewish and Christian Mysticism. *Theological Studies*, 56(4), 811.
10. Biale, D. (1982). *Gershom Scholem: Kabbalah and counter-history*. Harvard University Press.